

женщина не способна предпочесть искусство материнству. Эмилия и Шарлотта Бронте — гениальны, и гениальны именно как женщины, поэтому «вместо писания книг им следовало бы растить мужчин и женщин». Подобный анализ полностью соответствовал ее собственным предпочтениям в то время. Рассказы, над которыми она работала, были отодвинуты на второй план и дожидались редких минут покоя.

Сигрид Унсет умела управлять и распоряжаться в своем доме: награждала детей за то, что к девяти часам уже легли в постель, чтением на ночь; умела накрывать на стол, чинить одежду, помогать с уроками. Но с Трондом у нее ничего не получалось — казалось, он застыл в своем развитии и постоянно нуждался в помощи. Гораздо страшнее была другая проблема — речь шла о ее собственной дочери.

Марен Шарлотта превратилась в красивую маленькую девочку, по общему мнению, похожую на мать. Но что-то с ней было не так. Что-то непонятное, временами сводившее маленькое тельце в судорогах, искажавшее хорошенькое личико, превращая его в маску боли и страха. А ведь возраст колик давно остался позади. Малышке исполнилось почти полтора годика, а она еще не начала говорить. Судороги приводили мать в отчаяние. Как-то раз Нини Ролл Анкер заглянула в Синсен и была потрясена увиденным. Ее подруга — волосы и одежда в полном беспорядке — скорчилась, сжимая в объятиях своего маленького ребенка и пытаясь остановить бившие девочку судороги. В расширенных глазах Сигрид Унсет застыл ужас, Сварстад беспомощно стоял рядом, не зная, куда девать свои большие руки. Четверо детей сидели за столом не шелохнувшись, глядя на эту пугающую картину.

С каждой неделей становилось все очевиднее, что девочка, которую домашние ласково прозвали Моссе, никогда не станет такой, как все. Сразу после ее рождения мать, которой хотелось иметь сыновей, сказала, что ей жаль ребенка, «потому что она девочка». Теперь это заявление казалось абсурдным. Только бы у нее это прошло с возрастом! Но ребенок не ходил, не говорил, только счастливо улыбался при виде разноцветных вещей и доверчиво прижимался к матери, когда наступали судороги.

Как бы то ни было, малыш Андерс и другие дети должны были жить нормальной жизнью. Это-то было в ее силах. И Сигрид Унсет решила показать им места, которые в детстве и юно-

сти доставили столько радости ей самой. Она взяла всех детей с собой в Нурмарку на хутор Лёренсетер. Там мать и детей ждали поросшие цветами луга, зеленые горные склоны, где паслись коровы и телята, и веселые игры на свежем воздухе. Ни эта экспедиция, ни следующая, которую она запланировала, не представляли для Сварстада ни малейшего интереса. А она решила в августе-месяце, который в юности традиционно посвящала горам, — поехать на сетер Лаургорд. На сей раз она прихватила с собой только собственных детей, Андерса и Моссе.

Погода в Лаургорде радовала августовским теплом. Вдруг Сигрид увидела, как по двору мчится ее старинный приятель Йоста аф Гейерстам. В последние годы они почти не общались. Она помнила его совсем еще мальчишкой — так ей казалось. Теперь же он стал отцом семейства. Он представил Сигрид свою жену-норвежку Астри и двоих сыновей, младший из которых родился совсем недавно. Старые знакомые с хутора помогали ей приглядывать за детьми, а жена Йосты могла одолжить пеленки, если с Моссе случалась неприятность. А главное, можно было понежиться у камелька в приятной компании, послушать истории о путешествиях под звуки Йостиной гармоникки. Больше всего ей хотелось сидеть целыми днями на крылечке и вязать, что вполне могли себе позволить остальные женщины в пансионате. Но она приехала сюда не отдыхать: к осени издательство требовало новую книгу. О хозяйственных хлопотах можно не думать, еду подавали три раза в день, — но что толку просиживать за столом, если вдохновение не желает приходиться? «Жалкие наброски», — писала Унсет Нини Ролл Анкер²⁹⁰ о том, что ей удалось сочинить.

Она хотела развить историю Уни Йельде из сборника «Счастливейший возраст» — теперь уже под названием «Фру Йельде» и продолжить сюжетную линию в повести «Фру Воге». Примерно та же тематика занимала ее десять лет назад, когда здесь же, в Лаургорде, она писала «Фру Марту Оули». Обе повести были о современном браке и сопутствующих ему супружеских неверностях, упущенных возможностях и сломанных судьбах. Но прошедшие десять лет существенно изменили взгляд автора на проблему и углубили этическую рефлексию. Общее название было уже придумано — «Осколки волшебного зеркала». С помощью этого образа, взятого из сказки Андерсена «Снежная королева», Унсет хотела описать такой способ мышления, при котором человек

все оценивает со своей колокольни. Она задается вопросом, насколько отдельная личность в состоянии определить, что есть добро, а что — зло²⁹¹.

Серьезность тематики, судя по всему, угнетала ее, и она то и дело отвлекалась на чтение. Увлечение английской литературой продолжалось — на сей раз пришла очередь Уильяма Теккерея, к изучению творчества которого Унсет приступила со свойственной ей основательностью. Надежно укрытая от действительности деревянными стенами Лаургорда, она наслаждалась чтением, отлично осознавая, что дома за это придется заплатить работой по ночам, если она хочет-таки выпустить книгу осенью. Тем дело и закончилось: днем обычные семейные будни на Синсене, а потом бессонные ночи на кофе и табаке, лишь бы успеть.

Критики ждали очередного шедевра, и поначалу книгу встретили с удивлением. Рецензенты вопрошали, задумывались ли две повести в качестве антитезы друг другу, и если так, с какой целью — чтобы высветлить точку зрения автора? Однако Теодор Каспари, рецензент христианского толка, был готов изменить свое ранее столь негативное мнение о писательнице в лучшую сторону. На его взгляд, этой своей работой Сигрид Унсет продемонстрировала, что «человек нуждается в общем моральном знаменателе, имя которому Бог»²⁹². Кристофер Уппдал именуется ее достойной наследницей Камиллы Коллетт и Амалии Скрам: «ни одна еще писательница не вступала в мир норвежской литературы так уверенно». От своих традиционно доброжелательных критиков ей пришлось вытерпеть немало упреков. Например, Кристиан Эльстер нашел «Фру Воге» «довольно неинтересной»²⁹³, а Фернанда Ниссен, сравнивая автора с Сельмой Лагерлёф, замечает, что если Лагерлёф слишком приукрашивает жизнь, то «Сигрид Унсет приукрашивает ее слишком мало»²⁹⁴. Интересно, задело ли писательницу последнее замечание. Возможно, она тогда уже мечтала о более крупных форматах?

Судьбы главных героинь ее повестей как бы дополняют друг друга — Уни Йельде оставляет творческую карьеру, предпочтя ей мужа и домашние хлопоты, в то время как Харриет Воге, после развода и потери ребенка, без каких-либо иллюзий и надежд вступает во второй брак. Именно она выражает потребность «в общем моральном знаменателе, имя которому Бог».

Никому из критиков не пришло в голову толковать этих героинь как альтер эго самой писательницы и искать детали, на

которые ее вдохновила личная жизнь, однако те, кто знал ее поближе, увидели в Уни Йельде многие черты Сигрид Унсет. Конфликт между мечтой о творчестве и требованиями реальности и размышления о самоубийстве как о возможном пути выхода напомнили Сигне о юности сестры. Вообще близкие считали, что и в характере Уни Йельде, и в изображении окружающей ее среды больше автобиографических черт, чем во всем, когда-либо написанном Сигрид. Все понимали, что Сигрид Унсет приобрела новый опыт, на который опирается при создании новых произведений. Устами Уни Йельде она выражает теперь столь хорошо известную ей истину — случается, на мужа не хватает ни сил, ни желания, «особенно когда одновременно надо укладывать спать всех детей»²⁹⁵. И хотя ты по-прежнему любишь его, и только его, конфликт между долгом и удовольствием может серьезно нарушить отношения. Героиня Унсет фру Йельде вздыхает: «Какие уж там чувства, времени остается только на жизнь».

Сигрид Унсет не преминула также вставить в повествование эпизоды, связанные с пребыванием в горах, в Селе. А от фру Унсет Сварстад в повестях — опыт болезненных кризисов в совместной жизни. Их вызывают «неволью вырвавшиеся из глубины потрясенной души слова, что, однажды сказав, не вернуть». В последнее время между супругами так часто вспыхивали ссоры, что, казалось, Унсет и Сварстад попали в порочный круг. И если в «Весне» она все же приводит Торкильда и Розу к примирению, а роман тем самым — к счастливому концу, то Уни Йельде остается с мужем и детьми больше из чувства долга и любви к детям, чем потому, что нашла счастье в совместной жизни. Что касается Харриет Воге, то у нее счастья, похоже, вообще не предвидится, ни в первом, ни во втором браке, — разве что в возвышении до общего морального знаменателя, то есть Бога. В повести мы встречаем излюбленный тезис Унсет, который она вкладывает в уста врача Алисы Фальк: «Наше время делает невозможным появление Тристана и Изольды. Не явится к нам дьявол и не предложит на выбор: победить его и испытать удовлетворение, свойственное всему живому при виде поверженного противника, или выбрать счастье обладания чем-то более ценным, чем райские кущи»²⁹⁶. В очередной раз Сигрид Унсет выступает с критикой легких решений, присущих современности, в очередной раз выражает недоверие по отношению к любви, что заставляет мать или отца бросить свою семью и детей.

Пока до работы над более крупными произведениями руки просто не доходили. Моссе все чаще билась в судорогах, а Сигрид каждый раз почти что теряла разум от страха. Той осенью главной книгой для читающей Норвегии стал роман «Плоды земли» Кнута Гамсуна. Героиня романа Ингер убивает своего ребенка, родившегося с заячьей губой, — в этой сюжетной линии легко заметить продолжение дискуссии, которую Гамсун вел с Унсет несколько лет назад в прессе. Аргументы Унсет Гамсун без особых изменений вкладывает в уста прокурора²⁹⁷. Однако точка зрения самого автора стала гораздо сложнее. Он с сочувствием описывает героиню, пошедшую на «убийство из милосердия». И дает возможность Ингер, после заслуженного наказания, вернуться к нормальной жизни. Возможно, он все-таки прислушался к страстной речи Сигрид Унсет в защиту слабых?

Таким образом, самым продаваемым автором на это Рождество стал Кнут Гамсун. Первое издание «Плодов земли» разошлось с рекордной скоростью. Сигрид Унсет пока и не думала браться за масштабную работу. Той зимой она была полностью поглощена историей не фиктивной, а реальной. В этой истории фигурировал ее собственный ребенок, рожденный, как она теперь понимала, «не таким, как все».

Начало 1918 года прошло под знаком медицинских обследований и страха перед неизвестностью. Может быть, это эпилепсия. Может быть, что-то похуже — ведь Марен Шарлотта так и не начала говорить. Но как бы то ни было, Сигрид Унсет выбрала для себя писательскую стезю и не собиралась возвращаться на работу в контору. Поэтому и в этот страшный год надо было продолжать писать — пусть хотя бы урывками. У нее не было средств на передышку, особенно сейчас, когда столько денег уходило на врачей и обследования. Нужно было писать новую книгу. Она решает на время отказаться от больших амбиций и выбрать форму, с которой всегда может справиться, — сборник рассказов. На сей раз она заимствует название из Библии, из одной из Иисусовых притч*, — «Мудрые девы». В притче мудрыми оказались девы, которые, отправившись встречать женихов, взяли с собой не только светильники, но и масло для них. В новых рассказах Унсет, никогда не верившая в «святость материнства», развивает свою старую тему — невозможности сочетать заботу о де-

* Притча о десяти девах (Матф. 25, 1–13).

тях и самоотверженную любовь к мужчине. Поэтому бездетная нянька часто оказывается лучшей матерью ребенку, чем родная мать. Писательница воскрешает в памяти места своих детских игр: в новеллах встречаются и Дрёбак, и улица Кейсерс-гатен. В новелле «Гунвальд и Эмма» она обращается к теме, навеянной книгой о короле Артуре: как «порочной» соблазнительнице удастся вызвать в сердце мужчины страстную любовь невиданной силы, какую никогда не вызвать добродетельной девушке.

Несмотря на мастерство, с каким писательница проникла в глубину страстей и пороков человеческой души, книгу ждал холодный прием. Один рецензент называет ее творческой неудачей Унсет и утверждает, что автор обрушивает на читателя «сырой материал прямо с улицы, не подвергнув его ни малейшему отбору. Сигрид Унсет просто записывает все, что видела и слышала, страницу за страницей, даже не пытаясь что-нибудь сократить или вырезать. Где же тут искусство? И этот жаргоноподобный язык, никаким законам, кроме прихотей разговорной речи, не подчиняющийся, — а таким языком и написаны ее наспех сколоченные истории, — тоже не имеет ничего общего с искусством»²⁹⁸. Критики не преминули отметить и мрачный тон повествования и вопрошали, действительно ли она готова осудить всех представителей мужского пола без разбора? Нильс Коллетт Фогт был вынужден признать, что временами писательница испытывает терпение читателя: «Если уж Сигрид Унсет решает заняться каким-нибудь мотивом, раскрыть человеческую судьбу, то мы, ее читатели, можем своими собственными глазами увидеть, как она медленно, шаг за шагом продвигается к решающей сцене книги, в которой и заключается сама суть»²⁹⁹. Тем не менее Фогт, которому по Экспертному совету было известно, с какой основательностью Унсет работает, полагает, что «в следующий раз она покорит Норвежское королевство».

Заместитель председателя Экспертного совета Петер Эгге был не так в этом уверен. Эгге недавно столкнулся с Унсет на улице Карла Юхана. И когда до него дошло, что она хотела пройти мимо не поздоровавшись, было уже поздно. Он уже остановил ее. С искренним состраданием он смотрел на женщину, исхудавшую до того, что одежда висела на ней мешком, и видел по ее глазам, что и она это тоже понимает. Казалось, у нее нет ничего общего с той Сигрид Унсет, что когда-то лучилась счастьем в Хаммерсмите. У Эгге тоже был больной ребенок, так что

им нашлось о чем поговорить. Но потом Эгге будет терзаться оттого, что она на самом деле хотела избежать встречи с ним. В конце концов, он принадлежал к тем немногим, кому довелось увидеть ее во всем блеске красоты, когда ее переполняли силы и вера в себя³⁰⁰.

Хотя Первая мировая война закончилась, настроение в доме Сварстадов отнюдь нельзя было назвать приподнятым. Сварстада мучил кашель, фру Унсет Сварстад изнемогала от усталости. Она выглядела так ужасно, что Нини Ролл Анкер заставила ее пойти к врачу. В том году испанка унесла много жизней в Норвегии, в том числе и молодых людей. Сигрид получила страшное известие из Западной Норвегии — в возрасте тридцати шести лет умерла подруга ее детства Эмма Мюнстер. Причиной смерти, скорее всего, стало воспаление легких, возникшее как осложнение после испанки.

А Сигрид Унсет Сварстад, тоже тридцати шести лет от роду, легла в оздоровительную клинику Мёникена на Холменколлене. Опасения Нини Ролл Анкер относительно новой вспышки туберкулеза в семье Сварстадов, к счастью, не подтвердились, однако силы Сигрид Унсет действительно были на исходе. Медицинский диагноз гласил: истощение.

Однако списывать ее со счетов пока еще не стоило. Она много читала, следила за происходящим вокруг и перед Рождеством опять позволила втянуть себя в бурную газетную полемику. Она выступила в «Дагбладет»³⁰¹ с критикой книги профессора Самсона Эйтрема «Боги и герои» — переложения древнегреческих мифов. По мнению Унсет, его перевод сродни акту вандализма — все равно как пить чай или кофе из старинных серебряных кубков: «Бог свидетель, так писать не годится. <...> Возможно, профессор будет утверждать, что перевел все дословно. Но в том-то и дело, что слова он нашел неправильные — потому как напрочь лишен таланта рассказчика». В своем ответе профессор Эйтрем взял на вооружение метод Гамсуна — он постарался высмеять Унсет, заявив, что попытки ее, явно несведущей в древнегреческих мифах, поучать специалиста выглядят просто комично. На страницах той же «Дагбладет»³⁰² Унсет наносит ответный удар: от того, что Эйтрем ссылается на ее невежество, его перевод лучше не становится. Она же по-прежнему придерживается мнения, что стиль его повествования на редкость сухой, лишен

и проблеска таланта и не способен передать прелести мифа. И это ее последнее слово. Через день появился ответ профессора Эйтрема: он попросту повторил, что Унсет выставила сама себя на посмешище. Однако другой специалист, доцент Эмиль Смит, полностью поддержал дочь Ингвальда Унсега. Она доказала свою компетентность подлинно исторической книгой о Вига-Льоте, заявлял он в своем письме в газету. Тем самым был дан сигнал к началу обстоятельной научной перепалки. Потом этот вопрос еще долго служил предметом обсуждения в университетских кругах.

Подразнив в свое удовольствие столь почтенных дебютантов, Сигрид Унсет успокаиваться не собиралась. Пора было напомнить о себе и участникам дебатов по женскому вопросу. Особенной радостью для нее было бросать вызов социально обеспеченным женщинам. На сей раз мишенью ее атаки стала Катти Анкер Мёллер, одна из ведущих феминисток того времени, недавно выпустившая брошюру «Планирование семьи женщиной», где выступала за жалование для матерей и за бесплатные аборт. На страницах «Тиденс тейн»³⁰³, озаглавив свою едкую язвительную статью «Путаница в понятиях», Сигрид Унсет бросается в атаку. «Характерным заблуждением нашего времени является путаница в понятиях», — так начинает она свой ответ и далее ссылается на свойственную людям вообще неспособность взглянуть на свое время с точки зрения исторической перспективы. Писательница напоминает, что наши представления о воздействии на человека инстинкта размножения сформировались под влиянием средневековой литературы.

По Унсет, существует три типа любовных историй: «трагическая история о том, как страсть сметает со своего пути все препятствия и в итоге сжигает того, кто ею одержим, — в качестве типичного примера можно привести историю о Тристане и Изольде. Потом история комическая — о том, как в попытке сорвать запретный плод мы перелезаем через забор в чужой сад, испачкавшись и в клочья разорвав одежду, — и как потом хитро или неловко пытаемся скрыть наши вылазки. Наконец, буржуазная история с моралью — об Эспене Аскеладде*, энергичном и предприимчивом, что в награду получает принцессу и полко-

* Эспен Аскеладд — герой норвежских народных сказок, аналог Иванушки-дурачка.

ролевства. Здесь инстинкт служит мотором для продвижения в обществе».

Унсет иронизирует над научным прогрессом: может ли микроскоп заменить крест? Что можно сказать о тех, кто отверг церковь, не удосужившись разобраться в ее учении, и обратился к «бездуховному материализму»? Она приводит параллель с одной старинной францисканской притчей о проповеднике, который на самом деле не понимает смысла своей проповеди. По мнению Унсет, Катти Анкер Мёллер являет собой великолепный современный пример такой неосведомленности. Ее брошюра выдает «такую духовную дезориентацию, какую даже в наши дни еще поискать»; «паноптикум популярных заблуждений», — не жалеет иронии Сигрид Унсет. Взгляды Катти Анкер Мёллер на семью в корне ошибочны, считает она: «По госпоже Мёллер получается, что „семья“ — это что-то вроде промышленного предприятия...» Особенное негодование у Унсет вызывает пренебрежительное отношение к роли женщины в семье: «Приковать себя к „семье“, чтобы стать машиной по рождению и воспитанию детей мужчины, — самая убогая доля, какую может выбрать женщина»³⁰⁴.

Недооценка роли матери приводит Сигрид Унсет в бешенство. Выделенным шрифтом она утверждает: «*Быть матерью — это не работа*». Конечно, материнство предполагает и чувство долга, и труд, но «материнство — это вся жизнь».

Когда Катти Анкер Мёллер ссылается на депутата немецкого рейхстага, предложившего считать материнство работой и платить за него жалованье, Сигрид Унсет выходит из себя: «Да, недаром говорят — чего только дикий немец не сделает ради денег». Слова жалят и разят. Здесь трезвый рассудок явно уступил место бушующим эмоциям. Защищая своих детей и роль матери, Сигрид Унсет ведет себя не как мать-берегиня, но как воинственный рыцарь. Она презрительно отменяет потребность открыто обсуждать меры контрацепции — ведь устраивались же как-то люди без того, чтобы кричать об этом на всех углах. И все знают, что «использование женщиной заложенных природой возможностей получения удовольствия — в народе именуют развратом». Неужели Катти Анкер Мёллер ничего не известно о «духовном аспекте половых отношений», вопрошает Сигрид Унсет. Важнейшая задача женщины состоит в том, чтобы уметь различать добро и зло, «ей полагается узнавать дьявола, как только он по-

явится, — заключает Унсет, — она сможет спасти себя и других, только вовремя отказавшись от помощи дьявола»³⁰⁵.

Получала ли она удовольствие от этих выпадов? Возможно, они оживляли и разнообразили утомительные будни? Во всяком случае, она не собиралась складывать оружие. Сразу после того, как в прессе появился отклик на эту атаку, она снова бросается в бой со статьей «Путаница в понятиях продолжается»³⁰⁶. Там она подчеркивает, что остается при своем мнении, и снова приводит свои основные аргументы. В конце концов, само название «Планирование семьи женщиной» звучит, мягко говоря, парадоксально: можно подумать, что мужчины к рождению детей не причастны. Она вновь повторяет свое утверждение о том, что оплата государством материнского труда стала бы вмешательством в частную жизнь женщины, и заходит еще дальше: «По-моему, самое возвышенное воззрение на призвание женщины-матери заключается в общепринятом христианском представлении о браке».

Кстати, в этом обращении Сигрид Унсет слышится и косвенная критика ее собственного поведения в молодости. Она напоминает, что единственным способом женщины выказать уважение к своему полу является «принять его как своего рода обязательство — например, обязательство соответствовать некоему образцу морали или поведения». А ведь сама она, прежде чем вступить в брак, разрушила другой брак, она крушила препятствия на своем пути и отдавалась страстям. Унсет заканчивает свое обращение шокирующим признанием: она пришла к выводу, что участие женщин в общественной жизни, «которое я в молодости, естественно, считала желательным и даже необходимым, — в конечном счете является пагубным и для женщин, и для всего человечества». Но сама она следовать собственным выводам, похоже, не собиралась.

Договор о найме дома на Синсене был расторгнут. По инициативе Сварстада они купили новый дом в Кампене, но вселиться туда пока еще не могли. А Сигрид снова почувствовала: под сердцем зарождается новая жизнь — значит ли это, что в Кампене она будет матерью уже шестерых детей?

Десять лет назад Унсет была готова на все ради этого мужчины. Ровно девять лет прошло с тех пор, как она, находясь в неофициальном «свадебном путешествии» в Париже, выступила в прессе с протестом против того, чтобы из брачной церемо-

нии в Норвегии убрали слова о подчинении женщины мужчине. «Ибо в словах брачной церемонии заключается естественная правда жизни, можно сказать, закон природы: женщина выходит замуж за того мужчину, которого может назвать своим господином», — писала она тогда. Три года пришлось ей ждать, пока он надел ей кольцо на палец. С тех пор как родился их первенец, прошло шесть лет, за которые она сделала много неприятных открытий. А теперь она ждала третьего ребенка. Снова садясь в поезд, вспоминала ли Унсет мучительное возвращение из Рима, свое отчаяние? Или думала о любви? О том, что одной только великой любви, всепоглощающей страсти, нарушающей все законы, все-таки было недостаточно?

Она пожила в свое удовольствие. И еще как. Одних только свадебных путешествий в ее жизни было несколько. И что? Где теперь ее вера в эти могущественные силы? А может быть, не давало покоя зародившееся сознание того, что даже Сварстад, любовь ее жизни, не является исключением из выведенного ею же самой правила: нельзя верить в любовь, которая отрывает мужчину от дома и семьи. И попытки заново воссоздать дом и воссоединить всех детей в другой семье ничего не дают. Все равно настоящей семьи не получается — искусственная конструкция трещит по всем швам, а любовь между мужчиной и женщиной тает на глазах.

Все это, должно быть, вертелось в голове у Сигрид Унсет, когда она села на поезд, едущий в Лиллехаммер, один ребенок в животе, двое других держат ее за руки. Троих приемных она оставила со Сварстадом.

Во что верила она теперь?